

УДК 316.7

ЮЛИЯ СОРОКА,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Харьков

Язык вражды в перспективе социологии культуры

Аннотация

Язык вражды актуализируется в условиях активных социальных противостояний и способен распространяться за границы непосредственных столкновений сторон конфликта и таким образом препятствовать социальному взаимодействию между группами и категориями в обществе. В статье представлено описание контекстов актуализации языка вражды в современной Украине и анализ литературы по социальным наукам, которые исследуют язык вражды, а также продемонстрирована роль юридического дискурса в этом тематическом поле. Акцентирована необходимость концептуализации как самого языка вражды, так и способов предотвращения данного явления. Представлена концепция языка вражды в рамках социологии культуры и тематического поля связи между культурой и властью. Методологическую основу обозначенной концептуализации составляют: социокультурный подход, постструктуралистская методология и концепция культурных механизмов власти. Язык вражды концептуализирован как феномен символического пространства, в том числе через сочетание процессов номинации и натурализации. Раскрыты теоретические и практические преимущества такой концептуализации.

Ключевые слова: язык вражды, социология культуры, культурные механизмы власти, номинация, натурализация, денатурализация

ЮЛІЯ СОРОКА,

доктор соціологічних наук, професор кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, Харків

Мова ворожнечі в перспективі соціології культури

Анотація

Мова ворожнечі актуалізується в умовах активних соціальних протистоянь та здатна поширюватися поза межами безпосередніх зіткнень сторін конфлікту й перешкоджати таким чином соціальній взаємодії між групами та категоріями в суспільстві. У статті подано опис контекстів актуалізації мови ворожнечі в сучасній Україні та аналіз літератури із соціальних наук, що досліджують мову ворожнечі, а також продемонстровано роль юридичного дискурсу в цьому тематичному полі. Акцентовано необхідність концептуалізації як самої мови ворожнечі, так і засобів запобігання зазначеному явищу. Викладено концепцію мови ворожнечі в рамках соціології культури та тематичного поля зв'язку між культурою та владою. Методологічну базу зазначених концептуалізацій становлять: соціокультурний підхід, постструктуралістська методологія та концепція культурних механізмів влади. Мову ворожнечі концептуалізовано як феномен символічного простору, зокрема через поєднання процесів номінації та натуралізації. Розкрито теоретичні та практичні переваги такої концептуалізації.

Ключові слова: мова ворожнечі, соціологія культури, культурні механізми влади, номінація, натуралізація, денатуралізація

YULIA SOROKA,

*Doctor of Sciences in Sociology, Professor at the
Sociology Department, V. N. Karazin Kharkiv
National University*

Hate Speech from a Perspective of the Sociology of Culture

Abstract

Hate speech is triggered by intense social confrontation and can spread far beyond the area of direct clashes between opposing parties, which considerably hinders constructive interaction between different social groups and categories. The paper gives a detailed description of the context conducive to hate speech in today's Ukraine, presents an analysis of literature in social sciences dealing with this phenomenon and demonstrates the role of legal discourse in this thematic field. The author underscores the need for conceptualising both hate speech itself and ways to counter it. Furthermore, she proposes a conception of hate speech within the framework of the sociology of culture and pertaining to the thematic field of the relationship between culture and power. Methodologically, this conception draws on the sociocultural approach, post-structuralist methodology and the concept of the cultural mechanisms of power. Hate speech has been conceptualised as a phenomenon occurring in symbolic space, also through a combination of such processes as nomination and naturalisation. Some theoretical and practical advantages of this conceptualisation have been explained.

Keywords: *hate speech, sociology of culture, cultural mechanisms of power, nomination, naturalisation, denaturalisation*

Актуализация тематики языка вражды в современной Украине

Условия военного конфликта легитимируют такие специфические процессы в символическом пространстве общества, как использование образа врага. Этот образ служит решению задачи консолидации общества, интеграции разнообразных социально значимых ресурсов для преодоления проблемы, то есть для победы над врагом и достижения мира. На протяжении конфликта лексика враждебности выходит за рамки непосредственного противостояния (зоны боевых действий, пространства их участников, институ-

ций, сообществ и индивидов, которые непосредственно влияют на их ход) и распространяется в обществе. “Черты” враждебности приобретают разные объекты и социальные категории, что определяет негативные перспективы их социального существования (к примеру, бойкот товаров и стигматизация групп). “Вирусы” враждебности деформируют пространство повседневного общения, разрушают социальное взаимодействие, снижают потенциал сотрудничества в обществе, что демонстрирует общественную “цену” консолидации по принципу общего врага.

Скажем, в современной Украине влияние указанных негативных последствий распространения образа врага испытывают на себе вынужденно перемещенные лица (ВПЛ). В сообщениях медиа и научных исследованиях это отражено в тематике стигматизации и дискриминации ВПЛ, что происходит в процессе их восприятия гражданами-реципиентами. Приведу несколько цитат:

“О. Михеева говорила об определенной ‘стигматизации’, которую переживают жители Донецкой и Луганской областей, чей социальный портрет в общественном сознании приобрел четко очерченные черты — русскоязычный сепаратист, который голосует за представителей ‘Оппозиционного блока’ и слушает Кобзона” [Закирова, 2016].

“Существует три основных мифа касательно ВПЛ, способствующие стигматизации переселенцев ... Миф 1. Переселенцы из Крыма — патриоты, переселенцы с Донбасса — сепаратисты” [Стигматизация, 2015].

“Стигматизация в Украине проявилась наиболее ярко на переселенцах. СМИ сформировали определенный образ переселенца, странного и непонятного, который переняло само общество. Это способствовало тому, что ВПЛ оценивали не по их профессиональным или человеческим качествам, а по прописке в паспорте. Миф о Донбассе в целом перенесли на каждого отдельного переселенца, независимо от того, соответствует ли он тем критериям” [Про що мовчати, 2015].

“Переселенцев называют представителями ‘русского мира’, сепаратистами. К сожалению, имеются такие факты. Дискриминация происходит и в процессе поиска сенсационности в статусе переселенца. Например, когда в разрезе криминальной хроники подчеркивается, что подозреваемый в преступлении является внутренне перемещенным лицом” [ЗМІ про переселенців, 2016].

“С одной стороны их [ВПЛ] воспринимают как жертв войны, с другой — как ‘донецких’, переехавших с территории АТО. Последствия такого двойного восприятия ощущаются и сегодня, хотя градус негативного отношения падает” [Повірте, 2016].

С использованием концепта стигматизации здесь речь идет о приписывании людям, имеющим статус ВПЛ, определенных номинаций с негативными в актуальной социально-исторической и социокультурной ситуации значениями. Подобные процессы мы наблюдали уже в исследовании блогосферы в период Евромайдана [Сорока, 2015], где ударение делалось на определенных опасностях этого явления для социального взаимодействия в обществе: “Наиболее опасные последствия такая ситуация представляет для людей, не имеющих непосредственного отношения к событиям майданов, но включенных в информационные потоки. Не имея собственной точки отсчета правдивости или ложности информации ... эти люди утрачивают безопасное пространство повседневности. Действительно: соседи, коллеги,

прохожие, неожиданно оказавшиеся рядом, сограждане в твоём городе и т.п. становятся потенциальным источником опасности. И даже в промежутках между митингами, выступлениями, акциями, когда “ничего не происходит”, ты напряженно ищешь признаки и знаки состояния дел: всматриваясь в знамена на админзданиях, балконах и окнах жилых домов, оставленные агитационные листки, ленты на одежде и т.п.” [Сорока, 2016: с. 388–389].

Номинации, возникшие во время событий Евромайдана, — “Майдан”, “титушки”, “бандеровцы”, “колорады”, “ватники” и др. — исследовались в перспективе концепта натурализации [Сорока, 2017]: “Средствами натурализации создаются представления о группах, склонных к насилию (или практикующих насилие), либо противопоставляемых друг другу как враги. ... Эти представления закрепляются в виде значений упомянутых номинаций, а их использование для описания определенной ситуации предопределяет ее ход. ... Использование натурализованных номинаций, таким образом, позволяет ‘программировать’ распространение насилия в любых физических или виртуальных пространствах за рамками непосредственного противостояния” [Сорока, 2016: с. 387].

Итак, образ врага можно рассматривать как одно из средств натурализации, о чем речь пойдет ниже. Сейчас акцентируем, что негативное отношение к ВПЛ (концептуализированное как дискриминация или стигматизация) является проявлением распространения способов мышления, легитимированных войной и проявляющихся через язык вражды.

Другой аспект актуальности тематики языка вражды связан с социальной борьбой вокруг ценностей плюрализма и толерантности. В этой перспективе современное общество признают множественным по следующим критериям: этническому, языковому, культурному, профессиональному, стилю жизни и т.п. То есть группы, исповедующие разные религии, придерживающиеся различных культурных норм или различных стилей жизни, признают равными в правах на эти практики (разумеется, в рамках действующего законодательства). Аргументом в пользу данного утверждения являются негативные реакции в отношении концепта языка вражды сообществ и организаций, пытающихся утверждать собственные ценности и убеждения как универсальные и обязательные для всех, а собственную идентичность формирующие на основе осуждения других. Для них ссылки на язык вражды являются проявлением цензуры и ограничения свободы слова. Приведу несколько цитат с такой точкой зрения от представительницы сообщества, которая утверждает и распространяет христианской образ жизни и семейные ценности:

“Как видим, в Европе существует реальная угроза для свободы слова как важного признака свободного общества. А мусульманские группы и сексуальные меньшинства под видом толерантности манипулируют законами о “языке ненависти” с целью собственного доминирования и дискриминации несогласных” [Дібрівна, 2017].

“Так, критика форм рискованного поведения, к которым относятся проституция, наркомания, алкоголизм, гомосексуализм, или осуждение радикального ислама может трактоваться как “hate speech”. Критика политического деятеля, ведущего аморальный образ жизни, может подпасть под клеймо “hate speech”. Утверждение, что однополые отношения являются грехом, — это тоже “hate speech” [Дібрівна, 2017].

“Цель данной концепции — полное подавление людей со здоровыми мировоззренческими ориентирами” [Дібрівна, 2017].

Политика идентичности, проявлением которой является этот текст, — не что иное, как “негативная идентичность”, по Л.Гудкову [Гудков, 2004], для которой характерно самоопределение путем указания внешних границ группы (“мы — не такие”). Поэтому не удивительно, что мусульмане и однополые браки попадают в перечень примеров для аргументации взглядов автора, а мировоззренческие ориентиры она делит на здоровые и прочие (то есть нездоровые): эти негативные примеры определяют внешнюю границу группы. Концепт языка вражды изобличает такую идентификационную стратегию, в частности ее языковую реализацию с использованием оскорблений и обвинений, и подлежит критике.

Исследование языка вражды в перспективе символической борьбы в обществе позволяет понять, почему он актуализируется и воспроизводится не только в связи с войной или другими формами открытого противостояния. Так, объектом языка вражды в украинском обществе являются ромы, и эта тема периодически отображается в публичном пространстве и медиа. Здесь тоже можно увидеть определенный ситуативный центр столкновения (событие и место, где это происходит) и процесс распространения средств языка вражды на другие ситуации и места, где упомянутая категория людей наблюдается. Подтверждение этого мнения находим в интервью исследовательницы ромской тематики в Украине О.Жмурко:

“В этом контексте следует вспомнить освещение погромов в Лоцинице, когда градус массовой истерии почти сознательно нагнетался со стороны СМИ. Интернет пестрел “желтыми” заголовками и текстами, в которых откровенно манипулировали фактами, поддерживали жителей села в их решении о незаконном выселении ромских семей, прибегали к недопустимым обобщениям и субъективным суждениям, пытаясь заклеить все этническое меньшинство” [Жмурко, 2017].

Таким образом, *актуальным* для исследования становится вопрос о языке вражды как таковом в его способности препятствовать свободе социального взаимодействия между группами в обществе и о признаках, которые обеспечивают его способность распространяться в обществе за рамки непосредственного противостояния. Как видим из приведенных примеров, язык вражды разворачивается в символическом пространстве, где определенные объекты наделяются соответствующими значениями, в чем состоит проявление власти в обществе. *Цель статьи* — концептуализировать язык вражды в перспективе социологии культуры как феномен символического поля, в частности в тематическом и методологическом контексте связи между культурой и властью.

Язык вражды в перспективе социальных наук

В современном украиноязычном дискурсе язык вражды становится предметом обсуждения в нескольких дисциплинарных направлениях, а именно в правовом — в перспективе прав человека, и медийном — в проблематике журналистской этики и профессионализма.

Правовая перспектива, опирающаяся на документы Совета Европы [Manual, 2009; Living together, 2009; Factsheet — Hate speech, 2018], исходит из ценностей свободы слова, права на защиту от любых форм дискриминации и принципа равенства всех людей в правах. Дискриминацию здесь следует понимать как восприятие и отношение к человеку в связи с его принадлежност-

тью к определенной группе, а не в соответствии с его собственными характеристиками и действиями, например, распространение на индивида уважения или ненависти к определенной группе. В данной перспективе язык вражды трактуется как широкое поле дискурсов, которые распространяют ненависть и благодаря этому препятствуют демократии в целом, вредят репутации отдельных индивидов, становятся угрозой социальному миру в его самом широком понимании. Проявлениями языка вражды признаются распространение и оправдание любых форм ненависти и нетолерантности, в частности расизма, ксенофобии, антисемитизма, подстрекательство к ним и содействие им¹. Помимо непосредственно судебной практики защиты от языка вражды борьба против этого социально опасного явления реализуется Советом Европы как один из аспектов утверждения медиа-грамотности и общей культуры современного человека [Нерн, 2016]. То есть правовая и медийная перспективы понимания языка вражды тесно связаны.

Медиа-перспектива акцентирует язык вражды как “публичные враждебные и дискриминационные высказывания и комментарии в адрес этнических, расовых, религиозных групп, в частности подстрекательство к этнической и религиозной ненависти” [Севортьян, Шароградская, 2005: с. 6]. Также язык вражды воплощается через негативистские эпитеты и смысловые конструкции касательно убеждений, этнических, религиозных и прочих особенностей людей [Севортьян, Шароградская, 2005: с. 10], через неоправданные обобщения и экстраполяции [Севортьян, Шароградская, 2005: с. 13], как риторика распространения интолерантности [Севортьян, Шароградская, 2005: с. 23].

Практическая задача противодействия языку вражды решается в медийной перспективе путем выделения его разновидностей и использования этой классификации в мониторингах СМИ. Авторы цитируемого выше пособия приводят 16 позиций классификации, среди которых: призывы к насилию, дискриминации (явные или завуалированные, в том числе в виде оправдания насилия или дискриминации в прошлом или оспаривание общепризнанных фактов насилия или дискриминации), создание негативного образа определенной группы, утверждения о ее второсортности, криминальном характере, моральных недостатках, высказывания о неоправданных преимуществах некоторой группы в определенных сферах деятельности, ее негативном влиянии на общество, а также упоминания о группе в унижительном или обидном контексте, наконец, призывы к неприятию мигрантов, принадлежащих к соответствующей группе, цитирование без комментариев ксенофобских высказываний об определенной группе или обвинение ее в попытках захвата власти [Севортьян, Шароградская, 2005: с. 25–26]. Следует отметить, что А.Севортьян и А.Шароградская концентрируют внимание на таких объектах языка вражды, как этнические и религиозные группы, но между тем упоминают и другие уязвимые группы (гендерные, возрастные, людей с инвалидностью, больных СПИДом, бездомных и т.п.).

Широко употребляемой является классификация языка вражды, которая делит его проявления по уровню опасности на жесткие, средние и мягкие [Верховский, 2002]. Жесткие содержат открытые и завуалированные при-

1

<https://www.coe.int/en/web/freedom-expression/hate-speech>.

звы к дискриминации и провозглашают насилие приемлемым средством решения вопросов. Средней жестокости проявлениями языка вражды считаются высказывания о негативных качествах определенной группы (например, моральных пороков или склонности к противоправным действиям). Мягким проявлением считается цитирование ксенофобских высказываний и текстов без комментариев [Верховский, 2002].

Как видим, правовая и медийная перспективы понимания языка вражды наделяют журналиста специфической ответственностью в плане его распространения. Эта идея ярко демонстрируется в просветительском обзоре о языке вражды на правозащитном интернет-сайте:

“И выбор перед журналистом иногда стоит значимый: информировать общественность о событиях или освещать расистские события, используя язык вражды. И если уж доходит дело до суда, то Европейский суд учитывает, был ли журналист автором утверждения либо он только передал информацию или слова ответственных лиц, информационного канала. Поэтому, выполняя свои профессиональные обязанности, освещая события, имеющие общественный интерес и значимость, журналистам следует отстраняться от своих стереотипов и создавать поле для обсуждения” [Плахотнюк, 2014].

Таким образом, признанные в правовом поле принципы равных прав, свободы слова и противодействия дискриминации в дисциплинарном поле исследований СМИ воплощаются в перечни текстовых проявлений этих принципов (например: [Кожевникова, 2006; Дзялошинский, 2007; Гречихин, 2008]). К решению задачи научного обоснования эмпирических проявлений языка вражды прибавляются филологи (напр.: [Гречихин, 2008; Евстафьева, 2009; Коробочная, 2009]), которые исследуют также отдельные сегменты дискурса СМИ (например, гендерные отношения [Денисова, 2002]); психологи (напр.: [Кроз, 2005]); представители политической науки (напр.: [Правый экстремизм, 2008]); педагоги (напр.: [Шелюх, 2011; Гладилин, 2012]). В таких исследованиях проявления языка вражды концептуализируются в соответствующем дисциплинарном и теоретико-методологическом русле: как ошибочная идентификация, ошибочная атрибуция и мнимая оборона [Кроз, 2005]; как коммуникация, базирующаяся на предубеждениях и стереотипах [Грищенко, 2006]; как экспрессивная этнонимия [Черних, 2014] и т.п. То есть правовая и медийная перспективы исследования языка вражды подталкивают к развитию других дисциплинарных видений этого феномена (филологических, лингвистических, психологических и т.п.), в контексте которых предлагается рассматривать концептуализацию этого явления в рамках социологии культуры.

Англоязычные публикации по тематике языка вражды (hate speech) начинаются с 1985 года [Donald, 1985] и в дальнейшем активизируются: 1986–1990 — 13 публикаций; 1991–2000 — 242; 2001–2010 — 309; 2011–2018 — 821¹. Статьи 1980-х годов, написанные юристами, касаются законодательства и судебной практики в плане языка вражды и тематизированы на университетах и образовании. Такое тематическое направление обусловлено возрастом

1

Количество публикаций указано по результатам поиска в “Google Академия” по ключевому слову “hate speech”, присутствующему в названиях книг и статей. Дата поиска — 3 марта 2018 года.

атмосферы расизма в университетах, что наблюдалось во второй половине 1980-х годов среди “поколения после эпохи борьбы за гражданские права” [Chen, 1990]. В частности, в этих публикациях речь идет о политике регуляции языка вражды в кампусах (то есть на территориях университетов).

Нужно отметить значимость перевода, который становится основой концептуализации феномена и концепта hate speech на русском и украинском языках. Наряду с термином “язык вражды” в переводах используют также термин “язык ненависти”. Эти два варианта отсылают к разным перспективам интерпретации и определения исследуемого феномена, которые условно можно обозначить как социологическую и социально-психологическую. Социологическая перспектива актуализирует для концептуализации понятия врага и враждебности, относящиеся к плоскости социальных отношений, что затем выводит на исследование этих феноменов в социально-историческом и социокультурном контекстах. Социально-психологическая перспектива акцентирует понимание ненависти как эмоции.

Анализ дисциплинарных перспектив исследования и концептуализации языка вражды будет неполным без характеристики подобного опыта в США, поскольку американская практика предшествует европейской, но и отличается от нее (хотя это не касается определения центрального понятия). Язык вражды определяется здесь как “отрицающий других на основе расовой, этнической, гендерной принадлежности, сексуальной ориентации или религии” [Smolla, 1991: p. 207], а также включает “атакующие” (fighting words) в качестве непосредственного призыва и проявления готовности к физическому насилию [Smolla, 1991: p. 208]. В 1920-х годах в судебной практике и публичном дискурсе США язык вражды предстал в виде расовой ненависти, в 1940-х — как клевета на группу, в 1980-х наиболее употребляемыми становятся слова “язык вражды” и “язык расизма”, где под “языком” понимаются любые формы коммуникации (в том числе символы, ленты или повязки на руках, парады и пикеты [Smolla, 1992: p. 8]). Иными словами, язык вражды определяется как “атакующая коммуникация, отрицающая или оскорбляющая достоинство другого лица или группы лиц на основании расовой, этнической принадлежности, пола, сексуальной ориентации или религии, создает четкую и реальную опасность причинения серьезных эмоциональных страданий обычному здравомыслящему человеку и оскорбительна для общины” [Smolla, 1992: p. 208].

Дискуссия вокруг языка вражды в США, разворачивающаяся в судах и в публичном пространстве, обусловлена дилеммой между принципами равных прав и свободы слова [Massaro, 1991]. Р. Смолла рассматривает свободу слова как ценность общей значимости для демократии, ибо она связана со всем, что определяет человечность (от воображения, творчества, предпринимательства, рациональности до любви и религии) [Walker, 1994]. Первая поправка к конституции, провозглашающая свободу слова, гарантирует защиту идей, которые люди лелеют и вынашивают, как и тех, которые они ненавидят [Walker, 1994: p. 2]. Свобода слова постоянно угрожает другим важным ценностям, например, национальной безопасности, личной репутации, толерантности, борьбе с расизмом и прочими формами дискриминации и т.п., а ее регулирование превращается в цензуру [Massaro, 1991].

Разрешение этой дилеммы осуществлялось в течение XX века во взаимодействии правовых институтов, общественных групп и широких соци-

альных кругов и характеризует актуальный социокультурный контекст и распределение власти в обществе. Анализ этих процессов предлагает С. Волкер в книге “Язык вражды. История американского спора” [Walker, 1994]. Противоречивый характер имеют и собственно феномен языка вражды, в частности его восприятие в публичном социальном пространстве, и судебная практика в его отношении. Так, с одной стороны, консолидация общественных движений виктимизированных групп и давление с их стороны на общественное мнение становились необходимым условием принятия определенных судебных решений и изменений в законодательстве. В свою очередь, принятые после Второй мировой войны решения в защиту языка вражды (в смысле свободы слова) сделали возможными гражданские движения тех времен, чьи акции носили откровенно провокационный и наступательный характер [Walker, 1994: p. 11].

В перечне групп, упоминавшихся в определении языка вражды в США, традиционно были представлены расовые, религиозные, этнические, к которым позже добавились и другие виктимизированные группы, такие как женщины, лесбиянки и геи, люди с инвалидностью [Walker, 1994: p. 9]. Это отражает историю социальных движений за гражданские права названных категорий людей. Также нужно различать язык вражды и преступления ненависти (нападения, вандализм и т.п.), которые предполагают отдельную уголовную ответственность, и здесь главным определяющим критерием является совершенное действие (в отличие от коммуникации).

В своей книге, написанной в середине 1990-х, С. Волкер поднимает следующий вопрос: почему идея запрета языка вражды не получила значимой поддержки даже среди групп борьбы за гражданские права [Walker, 1994: p. 14]? Иными словами, почему так мало оказалось индивидов и организаций, которые бы организовывали поддержку идеи, предъявляли суду определенные кейсы, предлагали законодательство, то есть трансформировали соответствующую идею в публичную политику? С. Волкер предлагает ответ на этот вопрос, исходя из американской судебной практики и логики борьбы за гражданские права. С начала 1940-х годов стратегией достижения групповых прав была защита прав индивидуальных, и группы, боровшиеся за гражданские права, отказывались от судебных процессов в рамках закона о клевете на группу, ибо воспринимали это как угрозу своим более широким целям по достижению равных прав.

По-иному ситуация сложилась в американских университетах, где, как отмечалось, во второй половине 1980-х были приняты правила запрета языка вражды. Как объясняет С. Волкер, в локализованном пространстве кампусов представителям уязвимых групп удалось достичь успеха не благодаря собственному численному превосходству, а благодаря консолидации с другими уязвимыми группами. “Афроамериканцы и испаноамериканцы создали коалицию с группами женщин, геев и лесбиянок, студентов с инвалидностью. ... Им удалось перетянуть на свою сторону белых студентов левой ориентации и достичь пассивной поддержки со стороны многих других неаффилированных студентов” [Walker, 1994: p. 16]. Сформированная таким образом коалиция аккумулировала гораздо более весомую власть в университетах, чем эти группы когда-либо имели в обществе.

Другие важные обобщения касательно феномена языка вражды, его запрета и социокультурных признаков соответствующего общества можно

сделать, вслед за С. Волкером, на основе сравнения практик в США и других странах. Во-первых, законодательный запрет языка вражды присутствует в странах, где нет соответствующей традиции защиты индивидуальных прав, в частности права голоса. В США эту традицию начал в 1920-х годах Американский союз защиты гражданских свобод (ACLU): когда католическая и еврейская общности предпринимали первые попытки достичь запрета коммуникации ненависти (например, ограничить распространение антисемитской газеты Генри Форда и запретить парады Ку-клукс-клана), ACLU делала первые шаги в защиту прав, гарантированных Первой поправкой. С другой стороны, наличие таких законов против языка вражды свидетельствует о распределении власти в пользу тех, кто хочет ограничить наступательную коммуникацию: в таком обществе ценность групповых прав одерживает верх над ценностью прав индивидуальных.

Возвращаясь в обзоре литературы к публикациям последних лет в Украине, нужно обратить внимание на работы по схожей с языком вражды тематике. Политологи исследуют проблемы расизма и ксенофобии, в частности в связи с распространением правых движений в Украине [Безрук, 2013; Прибыткова, 2017; Ліхачов, 2016]. Язык вражды в СМИ рассматривается как один из социально-политических факторов миграционных процессов в Украине и ситуации вокруг вынужденных перемещенных лиц [Нагорняк, 2016], а также как феномен ограничения свободы слова в условиях информационной войны и вооруженного конфликта [Мартиненко, 2017]. Близка к языку вражды и проблематика информационных войн [Почепцов, 2016], но ее рассмотрение требует выхода за рамки задач данной статьи.

Подводя итог анализу литературы по тематике языка вражды, следует отметить ключевую роль юридического дискурса. Именно здесь, в соответствии с закономерностями права как социальной практики и академического поля, формулируются определения центрального понятия и прочие элементы концептуализации феномена языка вражды. Публичный и медийный дискурсы используют правовые определения, на их почве выстраиваются концептуальные средства исследования практики языка вражды, в частности — мониторинги текстов традиционных и сетевых СМИ. В рамках задач таких мониторингов происходит привлечение других дисциплин (филологии, лингвистики, психологии), которые концептуализируют проявления языка вражды и средства их изучения. Однако недостает общего понимания языка вражды как социального феномена, его концептуализации в социокультурной перспективе, что позволило бы разрешить связанные с ним противоречия. Практическое значение социологической концептуализации языка вражды состоит в обосновании средств преодоления языка вражды, возможности и ограничений такого преодоления и вариантов противостояния языку вражды как на уровне социальных групп и сообществ, так и на уровне межличностного взаимодействия.

Язык вражды как феномен символического пространства: натурализация и денатурализация

Язык вражды, как видим, это многоаспектное явление взаимодействия групп и индивидов в обществе, в которое вовлечены также институты права, массовой коммуникации, политические партии и движения, государство.

Это взаимодействие происходит как на макроуровне общественной жизни и межгрупповом уровне, так и на межиндивидуальном уровне. Процесс этого взаимодействия в разных странах, обществах, в различные исторические периоды оказывается под влиянием актуальных для определенного социально-исторического и социокультурного контекста норм, ценностей, традиций и т.п. Задача концептуализации феномена языка вражды, которая позволит понять как сам язык, так и средства противодействия ему и их ограничения, требует достаточно широких и многомерных методологических рамок. Этой задаче соответствует сочетание социокультурного подхода, базирующегося на идеях П.Сорокина, постструктуралистской концепции социального П.Бурдьё и концепции культурных механизмов власти [Сорока, 2015; Сорока, 2017; Soroка, 2016; Сорока, 2013].

Социокультурный подход, концентрированно выраженный в положении о социокультурной триаде П.Сорокина [Сорокин, 1992], дает возможность держать в “зоне внимания” социальные, культурные и деятельностные (индивидуальные) аспекты любого феномена, исследуя его определенные проявления. Конструктивистский структурализм П.Бурдьё уместен благодаря обоснованной в нем взаимосвязи социального и символического пространств и концепту символической борьбы с ее законами, в частности правом легитимной номинации [Бурдьё, 1994]. В концепции культурных механизмов власти, построенной на основе теории дискурсивной власти М.Фуко, различные явления регулируемого поведения, мира предметов и представлений (ритуалы, символы и мифы) обосновываются как средства воспроизводства властных отношений в обществе [Фуко, 1996]. Также к социокультурной концептуализации языка вражды приобщаются социологические представления о феномене врага и враждебности, в частности работы Г.Зиммеля и Л.Гудкова [Зиммель, 1994; Гудков, 2005].

Язык вражды — это феномен символического пространства, процесс определения, когда тем или иным социальным группам, категориям, сообществам приписывают значения, символически снижающие их социальную позицию. Например, это могут быть значения интеллектуальной слабости, моральных недостатков, криминальных склонностей. То есть язык вражды является специфической разновидностью номинации как культурного механизма власти [Сорока, 2013]. Каждый социальный агент обладает правом легитимной номинации, то есть правом приписывать значения другим, которое ограничено его социальной позицией. Номинация и классификация осуществляются определенным социальным агентом и признаются в пределах его позиции: родителей по отношению к их детям, учительницы по отношению к ученикам, начальника по отношению к подчиненным.

Право легитимной номинации в рамках общества в целом принадлежит государству, которое реализует его при помощи определенных бюрократических процедур и разнообразных ритуалов, например, награждения или осуждения конкретных лиц. В случае языка вражды определенная группа (или ее представители) номинирует другую, тем самым превышая собственный уровень легитимной номинации. Очевидно, что язык вражды как специфическая форма коммуникации является продолжением социальной борьбы в символическом пространстве, то есть проявлением символической борьбы. А государственная правовая регуляция языка вражды представляет собой меры по ограничению средств символической борьбы.

Называние врагом также является специфическим средством мобилизации, полезным тогда, когда внутренние ресурсы консолидации отсутствуют или ограничены [Сорока, 2012; Сорока, 2012а; Сорока, 2011]. Например, в индустриальном массовом обществе нормативные и смысловые связи (которыми упорядочивалось традиционное общество) разрушены, а действенность дисциплинарных институтов (школа, армия, тюрьма и т.п.) ограничена. Враг оказывается единственным субъектом, по отношению к которому ненависть легальна и легитимна, ведь враг угрожает существованию всего “нашего” сообщества, угрожает “нашим” основополагающим ценностям. Об этом пишет Г.Зиммель, акцентируя иррациональные аспекты враждебности и образа врага. Потребность в мобилизации на началах общего врага существует и может быть актуализирована у различных социальных агентов (групп, сообществ, организаций и т.п.), а также и у государства. Например, в условиях войны, кризиса или чрезвычайных ситуаций в стране государство прибегает к языку вражды по отношению к тем, кого определили как врага. С другой стороны, подобная потребность в мобилизации обуславливает и сопротивление попыткам регуляции языка вражды.

Таким образом, язык вражды и противодействие ему выступают средствами доминирования в обществе, то есть специфическим проявлением власти и борьбы за власть. Она разворачивается на разных уровнях социального взаимодействия (социетальном, межгрупповом и межиндивидуальном), и на каждом из них реализуется противодействие языку вражды. В частности правовое регулирование — на социетальном и межгрупповом уровне, мониторинги текстов медиа — на межгрупповом, тренинги по медиаграмотности и всевозможные психологические мероприятия по снижению чувствительности к языку вражды — на межиндивидуальном уровне и т.п. Характеризуя противодействие языку вражды, следует наряду с государством упомянуть о международных организациях, которые поддерживают такие меры, в том числе мониторинги медиаслужб, тренинги и пр. Не только позиция в отношении языка вражды (допускающая или отвергающая его как средство), но и аргументация этой позиции (например, обращение к ценности толерантности, продвижение ненасильственных форм взаимодействия в обществе и т.п.) определяются интересами конкретного социального агента (группы, сообщества, института и т.п.) в реальном социальном пространстве, в определенной ситуации взаимодействия. Так, в контексте военного противостояния государство поддерживает язык вражды применительно к противнику, тогда как в отношениях граждан продвигает ценность толерантности. Примером последнего можно считать обеспечение охраны парадов ЛГБТИК сообщества силами полиции.

Социокультурная концептуализация языка вражды в перспективе отношений культуры и власти, в частности — “работы” культуры по воспроизводству власти в обществе, концентрирует внимание на аспекте значений, приписывание которых определенной категории людей снижают ее социальную позицию, статус. В определении социокультурной триады П.Сорокин указывает на значения, которые наряду с ценностями и нормами (и будучи объективированными в деятельности и предметах) образуют феномен культуры. Важно, что значения функционируют на всех уровнях социального взаимодействия (социетальном, межгрупповом и межиндивидуальном), и это помогает объяснить распространение языка вражды за рамками

непосредственного столкновения (о чем говорилось выше). Оскорбление в адрес той или иной группы, прозвучавшее на публичном мероприятии, в телевизионном шоу или появившееся в тексте статьи, иными словами, реализованное на уровне межгруппового взаимодействия, будет воспринято представителем или представительницей данной группы как личное, то есть на уровне межиндивидуальном. Но средства противодействия, снижения чувствительности, формирования резистентности таким образом интерпретированного языка вражды должны быть сконструированы не на основе психологических или когнитивных концептов межиндивидуального взаимодействия, а на основе концептов функционирования культурных значений в социальном пространстве. Дисциплинарную рамку для такой концептуализации обеспечивает социология культуры, ориентированная на изучение отношений культуры с властью [Сорока, 2013].

Выше язык вражды был определен через понятие номинации как культурного механизма власти. Но для понимания распространения и функционирования оскорбительной, унижающей, враждебной номинации нужно обратиться к другим культурным механизмам власти, в частности к натурализации. “Это отождествление социокультурных явлений с природными (натуральными), благодаря чему связь их происхождения с деятельностью определенного сообщества в определенных исторических условиях искореняется из памяти людей в пользу положений о соответствии их законам природы, вселенной и т.п. Натурализации подвергаются нормы распределения социально значимых ресурсов в обществе, что приводит к закреплению и обеспечивает воспроизводство выраженного в этом распределении формата социального неравенства, соответствующего иерархии слоев, групп и категорий общества” [Сорока, 2017]. Эффективное использование языка вражды обеспечивает восприятие в обществе заниженной позиции определенной группы как ее естественной черты и, соответственно, утаивание процесса конструирования этой враждебной номинации, в частности, утаивание наличия противоположных социальных интересов в группах субъектов и объектов враждебной номинации.

Определение через понятие натурализации позволяет сформировать способы противодействия языку вражды на основе концепции Р.Барта, согласно которой натурализация выступает функцией мифа [Барт, 1994]. Миф — это вторичная семиологическая система, определитель которой сформирован из знаков языка, то есть мифологические значения “надстраиваются” над языковыми, придавая им дополнительные смыслы. Именно такими мифологическими являются по отношению к названию группы враждебные значения, которые снижают ее статус, а возможность их “деактивировать”, обезвредить для индивида связана со способностью видеть структуру мифологического знака и осуществлять процедуру денатурализации.

Исследование процессов натурализации и денатурализации коллективных идентичностей в блогосфере событий Евромайдана [Сорока, 2015] позволило зафиксировать их распространенные режимы и стратегии на примере реализуемых блогерами в их спонтанной активности. В целом натурализация происходит путем отождествления и обобщения, денатурализация, соответственно — различными способами растождествления: “денатурализация происходит не только средствами изобличения обмана и призывов к участию, но и растождествления определенных категорий, связанных

распространенными мифами. В том числе категорий национального, этнического и государственного; главы государства и народа, национальной культуры; администрации города и его населения” [Сорока, 2015].

Процесс создания мифологического знака, то есть натурализации детально изложен Р.Бартом [Барт, 1994] и визуализирован известной схемой мифологического знака. Использование этой схемы в качестве методического средства для денатурализации можно проиллюстрировать на примере демотиватора, где молодая женщина, изображенная в правом переднем кресле кабриолета, смотрит в боковое зеркало и красит губы помадой. Подпись под фото изобличает ее как опасного водителя, который смотрит не на дорогу, а на собственное отражение в зеркале — известный мизогинический сюжет¹. Анализ демотиватора с использованием схемы мифологического знака помогает увидеть два отдельных знака: женщина в правом кресле автомобиля пользуется боковым зеркалом (“женщина в авто”); и “женщина — плохой водителем”. Причем второй (мифологический) надстроен над первым. Иными словами, “женщина в авто” обобщена как “плохой водителем”, хотя основания для этого отсутствуют: там, где население преимущественно говорит на русском (на котором сделана подпись), дорожное движение правостороннее, и в правом переднем кресле сидит пассажир, то есть изображенная женщина не является водителем. Возможны и другие варианты некорректных обобщений, используемых как средства языка вражды. К примеру, в направленных на определенную группу или категорию людей сообщениях качества или ошибки кого-то из представителей этой группы переносят на всю группу и т.п.

Используя проиллюстрированную выше технику выделения мифологического сообщения, можно деконструировать враждебное обращение, демонстрируя безосновательность или ошибочность воплощенного в нем обобщения. Подобный навык обеспечивает человеку собственную резистентность в отношении враждебных влияний в коммуникации, в частности в межиндивидуальном общении, в традиционных и социальных медиа. Это развертывание денатурализации определенных номинаций (названий групп) на индивидуальном уровне препятствует прекращению взаимодействия с членами этой группы, что, в свою очередь, становится средством против распространения языка вражды и его последствий в обществе. Таким образом, сформированный на индивидуальном уровне навык влияет на процессы межгруппового и социетального уровня, и эта возможность связана со спецификой символического измерения социокультурного пространства и определением языка вражды как феномена символического пространства.

На основе изложенной выше методики денатурализации враждебных номинаций был разработан тренинг по противодействию языку вражды для женщин, принадлежащих к категории ВПЛ в Украине. Тренинг является современной технологией неформального образования и формирует теоретические знания и практические навыки, используя средства визуализации, интерпретации, интерактивных и проективных методик обучения и т.п. Тренинг испытан в рамках сотрудничества с ОО “Идеи изменений” (Киев)

1

По причине нежелания автора участвовать в распространении мизогинических обобщений этот сюжет подается без иллюстраций и цитат.

в ноябре 2018 года. Важным результатом, который продемонстрировали участницы тренинга, стал рост ощущения собственной уверенности и уравновешенности благодаря усвоению навыков распознавания и деконструкции образа врага в сообщениях традиционных и социальных медиа.

Выводы

Язык вражды актуализируется в ситуациях активных противостояний в обществе и способен распространяться за пределами непосредственных столкновений и препятствовать социальному взаимодействию между группами и категориями людей. В современной Украине он легитимируется в связи с военными действиями на Востоке, а его распространение внутри общества ощущают, например, временно перемещенные лица. Социальные науки определяют язык вражды, опираясь на юридический дискурс, а разнообразие дисциплинарные формы научной концептуализации используют для обоснования борьбы с ним. Однако символическая борьба в обществе бесконечна, и регулирование (или запрещение) языка вражды вызывает в обществе острые споры, о чем свидетельствует и мировой опыт.

Концептуализация языка вражды в рамках социологии культуры, в частности в тематической перспективе взаимодействия культуры и власти, позволяет улавливать как непосредственно феномен языка вражды, так и проявления его ограничения или защиты. Язык вражды концептуализируется как феномен символического пространства, в частности как номинация, которая символически снижает статус (социальную позицию) определенной группы или социальной категории. Способность языка вражды распространяться за пределами непосредственного столкновения концептуализирована как проявление натурализации указанной номинации. На этом основании концептуализировано и средство противодействия языку вражды, заключающееся в деконструкции натурализованных номинаций, или денатурализации. Преимущество таких средств противодействия языку вражды на основании его понимания как проявления символической борьбы обеспечивается всепроницаемостью уровней социальной коммуникации для символов. Методологической базой указанных концептуализаций послужили социокультурный подход, постструктуралистская методология и концепция культурных механизмов власти.

Источники

Андрійко, В. І. (Ред.), (2008). *Правий екстремізм і толерантність: з досвіду України та Німеччини*. Фонд імені Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні та Білорусі. Київ: Заповіт.

Барт, Р. (1994). Миф как семиологическая система. В Р. Барт, *Избранные работы: Семиотика. Поэтика* (с. 74–98). Москва: Прогресс-Универс.

Безрук, Т. (2013). Расизм та “мова ворожнечі” як політичний феномен в Україні. Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия “Философия. Культурология. Политология. Социология”, 24 (65), 3, 322–332.

Бурдые, П. (1994). Социальное пространство и символическая власть. В П. Бурдые, *Начала* (с. 181–208). Москва: Socio-Logos.

Верховский, А., (Ред.), (2002). Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. Москва: Центр “Панорама”.

Гладилин, А. (2012). “Язык вражды” как коммуникация. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 11 (19). Отримано з <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-345>.

Гордієнко, Т. (2016). ЗМІ про переселенців: стигматизації поменшало, але й уваги теж. *Media Sapiens*. Отримано з http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/standards/zmi_pro_pereselentsiv_stigmatizatsii_pomenshalo_ale_y_uvagi_tezh.

Гречихин, М. (2008). *Современный русский медиадискурс: язык интолерантности. На материале языка российских СМИ* (Дис... канд. филол. наук). Белгород: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования “Белгородский государственный университет”. Отримано з <http://www.dissercat.com/content/sovremennyi-russkii-mediadiskurs-yazyk-intolerantnosti-na-materiale-yazyka-rossiiskikh-smi>.

Грищенко, А., Николина, Н. (2006). Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды. В И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова (Ред.), *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности* (с. 175–187). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Гудков, Л. (2004). *Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов*. Москва: Новое литературное обозрение.

Гудков, Л. (2005). Идеологема “врага”: “Враги” как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. В Л. Гудков, Н. Конрадова (Ред.), *Образ врага* (с. 7–79). Москва: Объединенное гуманитарное издательство.

Денисова, А. (2002). Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение. *Женщина Плюс ... Социально-просветительский журнал*, 4. Отримано з <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/denisova2.htm>.

Дзялошинский, И. М. (2007). Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. В И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская, *Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет* (с. 66–88). Москва: Московское бюро по правам человека; “Academia”.

Дібрівна, Е. (2017). “Мова ворожнечі” як тавро і цензура. Європейський контекст. *Українська правда*. Отримано з <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/09/22/7155975>.

Евстафьева, А. В. (2009). *Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования* (Дис... канд. филол. наук). Тольятти: Тольяттинский государственный университет. Отримано з <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/jazyk-vrazhdy-v-sredstvah-massovoj-informacii-lingvisticheskie-i.html>.

Жмурко, О. (2017). “Язык вражды — это инструмент манипуляций с целью раскола общества”. *Правовый простір*. Отримано з <http://legalspace.org/ru/napравleniya/usilenie-romskikh-obshchin/item/8509-olga-zhmurko-yazyk-vrazhdy-eto-instrument-manipulyatsij-s-tselyu-raskola-obshchestva>.

Закірова, С. (2016). Переселенці у нових громадах: повернутися додому не можна залишитися. Отримано з http://www.nbuv.gov.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=2102:pereselentsi-u-novikh-gromadakh&catid=8&Itemid=350.

Зиммель, Г. (1994). Человек как враг. *Социологический журнал*, 2, 114–119.

Кожевникова, Г. (2006). Язык вражды: типология ошибок журналиста. В М. Мельников, М. Григорян (Ред.), *Прикладная конфликтология для журналистов* (с. 95–105). Москва: Права человека.

Коробкова, О. (2009). Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*, 111, 200–205.

Кроз, М., Ратинова, Н. (2005). Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти. В А. Верховский (Ред.), *Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям* (с. 75–92). Москва: Центр “Сова”.

Ліхачов, В. (2016). По обидва боки фронту. *Критика: Рецензії. Есеї. Огляди*, 5/6, 31–36.

Мартиненко, О. А., (Ред.), (2017). Свобода слова в умовах інформаційної війни та збройного конфлікту. Спільне дослідження Української Гельсінської спілки з прав людини та ГО “Детектор медіа”. Отримано з https://helsinki.org.ua/wp-content/uploads/2018/01/Web_Svoboda_Slova_A5_Ukr3.pdf.

Нагорняк, Т. (2016). Соціально-політичні чинники і наслідки міграційних процесів в Україні 2014–2016 рр. *Політичне життя*, 3, 32–45.

Науমেць, І. (2018). “Повірте, більшість переселенців щиро вдячні за відмову від селютів”. Отримано з https://lb.ua/society/2018/02/10/389696_povirte_bilshist_pereselentsiv.html.

Плохотнюк, Н. (2014). Мова ворожнечі: створення підґрунтя для злочину, або таки вираження власної думки? *Network of Human Rights Movement*. Отримано з <http://en.hr-activists.net/blog/mova-vorozhnech-stvorennya-p-d-runtya-dlya-zlochynu-abo-taki-virazhennya-vlasno-dumki>.

Почепцов, Г. (2016). *Сучасні інформаційні війни*. Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”.

Прибиткова, Н. О. (2017). Характеристика культурно-психологічних факторів поширення расизму та ксенофобії. *Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ*, 3 (78), 80–88.

Про що мовчать переселенці у Львові? (2015). *Твоє місто*. Отримано з http://tvomisto.tv/news/pro_shcho_movchat_pereselentsi_u_lvovi_73989.html.

Севортян, А. Р., Шароградская, А. А. (2005). *Освещение этнического многообразия. Пособие для факультетов журналистики*. Москва: Центр развития демократии и прав человека.

Сорока, Ю. (2011). Вораг як категорія соціального сприйняття. *Вісник Львівського університету. Серія соціологічна*, 5, 148–153.

Сорока, Ю. (2012а). Вораг як модус соціального сприйняття. В Ю. Сорока, *Свої, чужі, різні: соціокультурна перспектива сприйняття Іншого* (с. 212–221). Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна.

Сорока, Ю. А. (2012б). Студентські уявлення щодо відчуття ворожості в сучасній Україні. В В. Л. Арбеніна, Л. Г. Сокурянська (Ред.), *Українське студентство у пошуках ідентичності* (с. 375–386). Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна.

Сорока, Ю. (2013). Культурні механізми влади: поняття та види. *Вісник Одеського національного університету. Серія “Соціологія і політичні науки”*, 18 (3), 130–137.

Сорока, Ю. (2015). Номінації колективних ідентичностей в блогосфері актуальних подій. В Н. Костенко (Ред.), *Мінливості культури: соціологічні проєкції* (с. 371–419). Київ: Інститут соціології НАН України.

Сорока, Ю. (2017). Натуралізація за Дж. Батлер в перспективі концепції культурних механізмів влади. *Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки*, 2 (33), 14–27.

Сорокин, П. (1992). Родовая структура социокультурных явлений. В П. Сорокин, *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 190–220). Москва: Политиздат.

Стуканов, С. (2015). Стигматизація Донбасу лє воду на млин політики Путіна. Отримано з https://galinfo.com.ua/articles/mif_pro_daunbas_ta_separiv_llie_vodu_na_mlyn_polityky_putina_210691.html.

Фуко, М. (1996). Порядок дискурса. В М. Фуко, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет* (с. 47–96). Москва: Касталь.

Черних, О. (2014). Мова ворожнечі. Мова ненависті. В Н. А. Сейко, Н. П. Павлик (Ред.), *Енциклопедія прав людини: соціально-педагогічний аспект* (сс. 178–182). Житомир: Волинь.

Шелюх, О. (2011). “Екологія мови” в контексті проблеми формування особистості. *Збірник статей V Всеукраїнської наукової конференції “Гуманітарні аспекти формування особистості”, Львів, 28 квітня 2011 р.* (сс. 311–317). Львів: Львівський державний університет безпеки життєдіяльності.

Chen, E. M. (1989–1990). Preface to Jens B. Koepke’s “The University of California Hate Speech Policy: A Good Heart in Ill-Fitting Garb”. *Hastings Communications and Entertainment Law Journal*, 12, 593–599.

Downs, A. D. (1985). Skokie Revisited: Hate Group Speech and the First Amendment. *Notre Dame Law Review*, 60 (4), 629–685.

European Court of Human Rights (2018). Factsheet — Hate Speech. Retrieved from http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Hate_speech_ENG.pdf.

Hern, A. (2016). Facebook, YouTube, Twitter and Microsoft Sign EU Hate Speech Code. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/technology/2016/may/31/facebook-youtube-twitter-microsoft-eu-hate-speech-code>.

Lange, Ya., (Ed.), (2009). *Living Together: A Handbook on Council of Europe Standards on Media’s Contribution to Social Cohesion, Intercultural Dialogue, Understanding, Tolerance and Democratic Participation*. Strasbourg: The Council of Europe, Directorate General of Human Rights and Legal Affairs.

Massaro, T. M. (1991). Equality and Freedom of Expression: The Hate Speech Dilemma, *William & Mary Law Review*, 32, 211–265.

Smolla, R. A. (1991). Introduction: Exercises in the Regulation of Hate Speech. *William & Mary Law Review*, 32, 207–210.

Smolla, R. A. (1992). *Free Speech in an Open Society*. New York: Alfred A. Knopf.

Soroka, Iu. (2016). Denaturalisation of Collective Identities Within Pro-Euromaidan Discourse (on Field of Facebook Representation). *Władza sądzienia*, 8, 43–56.

Walker, S. (1994). *Hate Speech. The History of American Controversy*. Lincoln: University of Nebraska Press.

Weber, A. (2009). *Manual on Hate Speech*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Матеріал отримано 12.07.2018

References

Andriiko, V. I. (Ed.), (2008). *Right-Wing Extremism and Tolerance: Ukrainian and German Experience*. [In Ukrainian]. Friedrich-Ebert-Stiftung Ukraine & Belarus. Kyiv: Zapovit. [= Андрійко 2008]

Barthes, R. (1994). Myth as a Semiological System. [In Russian]. In R. Barthes, *Selected Writings: Semiotics. Poetics* (pp. 74–98). Moscow: Progress-Univers. [= Барр 1994]

Bezruk, T. (2013). Racism and “Hate Speech” as a Political Phenomenon in Ukraine. [In Ukrainian]. *Proceedings of Taurida National V. I. Vernadsky University. Philosophy, Cultural Studies, Political Science, Sociology*, 24 (65), 3, 322–332. [= Безрук 2013]

Bourdieu, P. (1994). Social Space and Symbolic Power. [In Russian]. In P. Bourdieu, *Choses dites* (pp. 181–208). Moscow: Socio-Logos. [= Бурдье 1994]

Chen, E. M. (1989–1990). Preface to Jens B. Koepke’s “The University of California Hate Speech Policy: A Good Heart in Ill-Fitting Garb”. *Hastings Communications and Entertainment Law Journal*, 12, 593–599.

Chernykh, O. (2014). The Language of Hate. The Language of Hatred. [In Ukrainian]. In N. A. Seiko, N. P. Pavlyk (Eds.), *Encyclopedia of Human Rights: The Socio-Pedagogical Aspect* (pp. 178–182). Zhytomyr: Volyn’. [= Черних 2014]

Denisova, A. (2002). Hate Speech in Russian Mass Media: The Gender Dimension. [In Russian]. *Woman Plus ... Socio-Educative Journal*, 4. Retrieved from <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/denisova2.htm>. [= Денисова 2002]

Dibrivna, E. (2017). "Hate Speech" as a Label and Censorship. The European Context. [In Ukrainian]. *Ukrayinska Pravda (Ukrainian Truth)*. Retrieved from <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/09/22/7155975>. [= Дібрівна 2017]

Downs, A. D. (1985). Skokie Revisited: Hate Group Speech and the First Amendment. *Notre Dame Law Review*, 60 (4), 629–685.

Dzialoshinskii, I. M. (2007). The Representation of Enemy in Russian Mass Media: Social, Cultural, and Professional Factors. [In Russian]. In I. M. Dzialoshinskii, M. I. Dzialoshinskaia, *Russian Mass Media: How to Construct the Image of Enemy. Collected Articles* (pp. 66–88). Moscow: The Moscow Bureau for Human Rights; "Academia". [= Дзялошинский 2007]

European Court of Human Rights (2018). Factsheet – Hate Speech. Retrieved from http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Hate_speech_ENG.pdf.

Foucault, M. (1996). L'Ordre du Discours. [In Russian]. In M. Foucault, *The Will to Truth: On the Far Side of Knowledge, Power and Sexuality. Collected Works* (pp. 47–96). Moscow: Gostal Press. [= Фуко 1996]

Gladilin, A. (2012). "Hate Speech" as Communication. [In Russian]. *Contemporary Studies in Social Issues (Online Academic Journal)*, 11 (19). Retrieved from <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-345>. [= Гладылин 2012]

Grechikhin, M. (2008). *Russian Mass Media Discourse Today: The Language of Intolerance. The Analysis of Russian News Articles* (Philology PhD Thesis). [In Russian]. Belgorod: Publicly Funded Tertiary Education Institution "Belgorod State University". Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/sovremennyi-russkii-mediadiskurs-yazyk-intolerantnosti-na-materiale-yazyka-rossiiskikh-smi>. [= Гречихин 2008]

Grishchenko, A., Nikolina, N. (2006). Derogatory Ethnonyms as Indicators of Hate Speech. [In Russian]. In I. T. Vepreva, N. A. Kupina, O. A. Mikhailova (Eds.), *The Language of Hatred and the Language of Consensus in Today's Sociocultural Context* (pp. 175–187). Yekaterinburg: Ural University Press. [= Грищенко 2006]

Gudkov, L. (2004). *Negative Identity. Collected Articles (1997–2002)*. [In Russian]. Moscow: Novoie literaturnoe obozrenie. [= Гудков 2004]

Gudkov, L. (2005). The Ideologeme of "Enemy": "Enemies" as a Mass Syndrome and a Mechanism for Sociocultural Integration. [In Russian]. In L. Gudkov, N. Konradova (Eds.), *The Image of Enemy* (pp. 7–79). Moscow: Ob'yedinennoe humanitarnoe izdatel'stvo. [= Гудков 2005]

Hern, A. (2016). Facebook, YouTube, Twitter and Microsoft Sign EU Hate Speech Code. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/technology/2016/may/31/facebook-youtube-twitter-microsoft-eu-hate-speech-code>.

Hordiienko, T. (2016). Internally Displaced Persons in the Mass Media: Less Stigma, but Less Attention as Well. [In Ukrainian]. *Media Sapiens*. Retrieved from http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/standards/zmi_pro_pereselentsiv_stigmatizatsii_pomenshalo_ale_y_uvagi_tezh. [= Гордієнко 2016]

IDPs in L'viv: What Are They Silent About? (2015). [In Ukrainian]. *Your City*. Retrieved from http://tvoemisto.tv/news/pro_shcho_movchat_pereselentsi_u_lvovi_73989.html. [= Про що мовчать 2015]

Korobkova, O. (2009). Markers of Hate Speech in Names Referring to Particular Ethnic Groups: The Sociolinguistic Aspect. [In Russian]. *Bulletin of A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia*, 111, 200–205. [= Коробкова 2009]

Kozhevnikova, G. (2006). Hate Speech: Categorisation of Journalistic Errors. [In Russian]. In M. Mel'nikov, M. Grirorian (Eds.), *Applied Conflictology for Journalists* (pp. 95–105). Moscow: Human Rights Publishers. [= Кожевникова 2006]

Kroz, M., Ratinova, N. (2005). Expert Evaluation of Materials Aimed at Inciting Hatred and Hostility. [In Russian]. In A. Verkhovskii (Ed.), *The Cost of Hate. Nationalism in Russia and How to Counter Race-Based Hate Crimes* (pp. 75–92). Moscow: “Sova” (Owl) Centre. [= Кроз 2005]

Lange, Ya., (Ed.), (2009). *Living Together: A Handbook on Council of Europe Standards on Media’s Contribution to Social Cohesion, Intercultural Dialogue, Understanding, Tolerance and Democratic Participation*. Strasbourg: The Council of Europe, Directorate General of Human Rights and Legal Affairs.

Likhachov, V. (2016). On Both Sides of the Front Line. [In Ukrainian]. *Krytyka: Reviews, Essays, Criticism*, 5/6, 31–36. [= Лихачов 2016]

Martynenko, O. A., (Ed.), (2017). *Freedom of Speech in the Context of an Armed Conflict and Information Warfare. The Results of Study Conducted by Ukrainian Helsinki Human Rights Union and “Detector Media”*. [In Ukrainian]. Retrieved from https://helsinki.org.ua/wp-content/uploads/2018/01/Web_Svoboda_Slova_A5_Ukr3.pdf. [= Мартиненко 2017]

Massaro, T. M. (1991). Equality and Freedom of Expression: The Hate Speech Dilemma, *William & Mary Law Review*, 32, 211–265.

Nahorniak, T. (2016). Sociopolitical Factors and Consequences of Migration Processes in Ukraine During 2014–2016. [In Ukrainian]. *Political Life*, 3, 32–45. [= Нагорняк 2016]

Naumets', I. (2018). “Take It From Me, Most IDPs Are Very Thankful That You Don’t Set Off Fireworks Any Longer”. [In Ukrainian]. Retrieved from https://lb.ua/society/2018/02/10/389696_povirte_bilshist_pereselentsiv.html. [= Наумець 2018]

Plokhotniuk, N. (2014). Does Hate Speech Breed Crime or Is It, Still, an Expression of One’s Own Thoughts? [In Ukrainian]. *Network of Human Rights Movement*. Retrieved from <http://en.hr-activists.net/blog/mova-vorozhnech-stvorennya-p-d-runtya-dlya-zlochynu-abo-taki-virazhennya-vlasno-dumki>. [= Плохотнюк 2014]

Pochepstov, H. (2016). *Modern-Day Information Warfare*. [In Ukrainian]. Kyiv: Kyiv-Mohyla University Press. [= Почепцов 2016]

Pribytkova, N. O. (2017). What Cultural and Psychological Factors Are Conducive to Racism and Xenophobia? [In Ukrainian]. *Proceedings of Kharkiv National University of Internal Affairs*, 3 (78), 80–88. [= Прибиткова 2017]

Sevort'yan, A. R., Sharogradskaja, A. A. (2005). *Portrayal of Ethnic Diversity. A Textbook for Journalism Students*. [In Russian]. Moscow: Centre for the Development of Democracy and Human Rights. [= Севортьян 2005]

Sheliukh, O. (2011). “The Ecology of Language” in the Context of Personality Development. [In Ukrainian]. *Proceedings of the 5th Conference “The Humanitarian Aspects of Personality Development”*, L'viv, 28 April 2011 (pp. 311–317). L'viv: L'viv State University of Life Safety. [= Шелюх 2011]

Simmel, G. (1994). Man as an Enemy. [In Russian]. *Sociological Journal*, 2, 114–119. [= Зиммель 1994]

Smolla, R. A. (1991). Introduction: Exercises in the Regulation of Hate Speech. *William & Mary Law Review*, 32, 207–210.

Smolla, R. A. (1992). *Free Speech in an Open Society*. New York: Alfred A. Knopf.

Soroka, Iu. (2011). The Enemy as a Category of Social Perception. [In Ukrainian]. *L'viv University Proceedings. Sociology*, 5, 148–153. [= Сорока 2011]

Soroka, Iu. (2012a). The Enemy as a Mode of Social Perception. [In Ukrainian]. In Iu. Soroka, *Strangers, Our Own, and All Sorts: The Perception of the Other from a Sociocultural Perspective* (pp. 212–221). Kharkiv: V. N. Karazin Kharkiv University Press. [= Сорока 2012a]

Soroka, Iu. (2012b). Students' Views on How Hostile Is Ukrainian Society Today. [In Ukrainian]. In V. L. Arbienina, L. H. Sokurians'ka (Eds.), *Ukrainian Students: In Search of Identity* (pp. 375–386). Kharkiv: V. N. Karazin Kharkiv University Press. [= Сорока 2012b]

Soroka, Iu. (2013). Cultural Mechanisms of Power: The Concept and Types. [In Ukrainian]. *Odesa National University Proceedings. Sociology and Political Science*, 18 (3), 130–137. [= Сорока 2013]

Soroka, Iu. (2015). Collective Identities and Their Names in News-Oriented Blogs. [In Ukrainian]. In N. Kostenko (Eds.), *Variability of Culture: Sociological Projections* (pp. 371–419). Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Сорока 2015]

Soroka, Iu. (2016). Denaturalisation of Collective Identities Within Pro-Euromaidan Discourse (on Field of Facebook Representation). *Władza sądzienia*, 8, 43–56.

Soroka, Iu. (2017). The Butlerian Naturalisation in Light of the Concept of the Cultural Mechanisms of Power. [In Ukrainian]. *Current Issues in Sociology, Psychology and Pedagogy*, 2 (33), 14–27. [= Сорока 2017]

Sorokin, P. (1992). Generic Structure of Sociocultural Phenomena. [In Russian]. In P. Sorokin, *Human Being. Civilisation. Society* (pp. 190–220). Moscow: Politizdat. [= Сорокин 1992]

Stukanov, S. (2015). Stigmatising Donbas Will Bring Grist to the Mill of Putin's Politics. [In Ukrainian]. Retrieved from https://galinfo.com.ua/articles/mif_pro_daunbas_ta_separiv_llie_vodu_na_mlyn_polityky_putina_210691.html. [= Стуканов 2015]

Verkhovskii, A., (Ed.), (2002). *My Tongue Is... The Problem of Ethnic and Religious Intolerance in Russian Mass Media*. [In Russian]. Moscow: Panorama Centre Press. [= Верховский 2002]

Walker, S. (1994). *Hate Speech. The History of American Controversy*. Lincoln: University of Nebraska Press.

Weber, A. (2009). *Manual on Hate Speech*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Yevstaf'yeva, A. V. (2009). *Linguistic and Extra-Linguistic Factors Contributing to Hate Speech in the Mass Media* (Philology PhD Thesis). [In Russian]. Togliatti: Togliatti State University. Retrieved from <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/jazyk-vrazhdy-v-sredstvah-massovoj-informacii-lingvisticheskie-i.html>. [= Евстафьева 2009]

Zakirova, S. (2016). IDPs in Host Communities: “Go Back Home Not Stay”. [In Ukrainian]. Retrieved from http://www.nbuviap.gov.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=2102:pereselentsi-u-novikh-gromadakh&catid=8&Itemid=350. [= Закірова 2016]

Zhmurko, O. (2017). “Hate Speech Is a Tool for Manipulation Intended to Split Society”. [In Russian]. *Legal Space*. Retrieved from <http://legalspace.org/ru/napravleniya/usilenie-romskikh-obshchin/item/8509-olga-zhmurko-yazyk-vrazhdy-eto-instrument-manipulyatsij-s-tselyu-raskola-obshchestva>. [= Жмурко 2017]

Received 07.2018